

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-312-325>

УДК 821.161. 1-1

ББК Ш 33 (2Рос=Рус) 6-8, 445

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Н. А. Прозорова

г. Санкт-Петербург, Россия

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПОЛЕ: ПУТЬ К ЛЕГИТИМАЦИИ СТАТУСА

Аннотация: В статье проанализированы положение О. Ф. Берггольц в литературном поле 1930-х гг. и борьба за легитимацию статуса ленинградского поэта в начале 1940-х гг. Цель работы — определить место поэтессы в литературном процессе 1930-х гг. и выявить факторы, способствовавшие ее успешной творческой реализации в военное время. В 1930-е гг., несмотря на «освящение» М. Горьким первых книг Берггольц, она фигурировала в поле литературы в качестве объекта нападков и репрессий: находилась в ситуации отчуждения от писательской среды в связи с «делом Авербаха», а затем была в полугодовой тюремной изоляции по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности. Берггольц боролась не за сильную позицию в литературном поле, а за выживание в нем. После репрессий и тюрьмы тема человеческих страданий оказалась в фокусе внимания поэтессы; у нее появилась предрасположенность к осмыслению блокадных испытаний ленинградцев. Габитус Берггольц, ее авторская стратегия, направленная на «душевную помощь людям», коррелировали с задачами военного времени. Ожидания читателя на поддержку не «поэзией условных формул», а простым и «облегчающим» словом совпали с эстетикой Берггольц. Блокадные тексты переместили ее с периферии литературного поля в центр. Поэтесса передавала совместный травматический опыт в форме «письма» и «беседы» с живой, личной интонацией; манифестировала ленинградскую тему в новой стилистике («почти не стихи»); открыла читателям «саших себя»; передала экзистенциальное переживание человека на пороге смерти; увидела героизм ленинградцев как психологическую проблему (не «расчеловечиться»). Перечисленные факторы позволили ей добиться легитимного статуса поэта блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: литературное поле, О.Ф. Берггольц, габитус, ленинградская тема, статус ленинградского поэта.

Информация об авторе: Наталья Аркадьевна Прозорова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Рукописного отдела, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

E-mail: arhivistka@mail.ru

Дата поступления статьи: 06.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 12.10.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Прозорова Н. А. Ольга Берггольц в литературном поле: путь к легитимации статуса // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 312–325. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-312-325>

Введение

Понятие «литературное поле» (или «поле литературы»), введенное в научный оборот П. Бурдьё [2], утвердилось в отечественном гуманитарном знании и не потеряло своей актуальности. Поле литературы представляет собою конкурентное пространство, в котором писатели ведут борьбу за свое место (позицию / дефиницию), выстраивают отношения друг с другом, с читателем, издателем и критикой. Авторы трансформируют поле своими творческими манифестациями, выступлениями, текстами; поле воздействует на каждого вступающего в него, и каждый претендент на звание писателя стремится изменить сложившуюся внутри него иерархию.

Напомним, что Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) вступила на творческий путь в конце 1920-х гг., еще школьницей получив благословение К. И. Чуковского, слышавшего ее стихотворение «Каменная дудка» [17, т. 1, с. 39–41]. Активно занимаясь в студенческой группе «Смена» и печатаясь в ленинградских периодических изданиях («Юный пролетарий», «Резец», «Красная панорама» и др.), она обратила на себя внимание критики, которая отмечала поиски начинающего автора, не слишком вписывавшегося в пролетарский литературный mainstream. В 1929 г. Берггольц была исключена из группы «Смена» (с формулировкой: «ее творчество ни в какой мере не является творчеством пролетарского писателя» [6, с. 230]), но затем восстановлена. В это время она водила знакомство с А. А. Ахматовой, Н. С. Тихоновым, Ю. Н. Либединским, работала с С. Я. Маршаком, дружила с художниками В. В. Лебедевым, Е. А. Кибриком и др. Мужем Берггольц был тогда поэт Борис Корнилов, уроженец нижегородской губернии, приехавший в Ленинград и слету покоривший своим поэтическим даром северную столицу (подробнее: [28]). Таким образом, в конце 1920-х гг. Ольга Берггольц находилась внутри литературного поля в качестве новобранца и занимала место в «тени» славы Б. П. Корнилова.

Литературное поле 1930-х гг.: ситуация отторжения

В начале 1930-х гг. у Берггольц вышли несколько изданий для детей («Турман» (1930); «Зима-лето-попугай» (1930) и др.), казахстанские рассказы «Глубинка» (1932) и книга «Углич» (1932). В 1931 г. при посредничестве С. Я. Маршака и напостовского лидера, одного из руководителей и ответственного секретаря РАППа Л. Л. Авербаха, она вошла в окружение М. Горького и была приглашена к участию в издании сборника для детей «Костер». После выхода «Углича» Ольга Федоровна получила письмо с доброжелательным отзывом Горького [20, с. 263]. Казалось бы, одобрение маститого писателя, входящего в круг лиц, имеющих право «освящать» своей авторитетной оценкой претендента на писательский титул, могло положительно повлиять на самооценку Берггольц. Однако этого не случилось. Без притязаний на культурную ценность созданных ею произведений она писала в дневнике: «Приехал Маршак и говорит, что Горькому понравился “Углич”. . . Горький сказал, что много срывов и т. д., но что безусловно талантливо. . . Писатели, написавшие плохие книжки, — утешаются, когда только слышат магическое слово — талантлив. Я знаю, что я талантлива, иногда я думаю, что только я это как следует знаю. Но все, что я писала до сих пор — было почти плохо» [14, с. 160].

Берггольц не раз заявляла в дневнике о своих творческих амбициях. «Я умная. Я талантливая. Я ценная, — писала она в 1932 г. — И это узнают все» [14, с. 127]. Эта дневниковая запись показывает, что Берггольц отчетливо понимала: талант должен быть опознан и коллективно признан. Но кто решает, достоин ли печатающийся автор называться писателем? «Освящение» новичка-литератора совершается действующими субъектами литературного поля (писателями, критиками, издателями, читателями) и его институтами (творческими союзами, группами, объединениями). В свою очередь субъекты и институты находятся в состоянии борьбы за монополию определения тех лиц, которые претендуют на звание писателя. При этом установление культурной ценности жаждущего признания претендента совершается литературным полем, находящимся «внутри поля власти, к которому оно относится как микрокосм к макрокосму» [2, с. 24].

Перемещение писателя внутри литературного поля — важный фактор его творческой биографии. В 1934 г. Берггольц была принята в Союз советских писателей и формально получила более благоприятные возможности для реализации своих амбиций, а также полагающиеся членам Союза материальные блага. В том же году она выпустила первый поэтический сборник «Стихотворения» и вновь получила письмо Горького с благожелательным откликом [21]. Однако реальное положение ее не изменилось: критика назвала сборник «незрелой лирикой» [31]. «Ни в Союзе, ни в критике со мной не считаются, — писала она в дневнике, — раздаются лишь одинокие голоса ценителей» [14, с. 320]. Такая ситуация продолжалась фактически три года. В апреле 1936 г. Ольга Федоровна констатировала: «...меня никогда не просят выступить с “чтением своих произведений”, точно меня, как писателя, и не существует» [14, с. 434–435].

Важный шаг в гущу литературной среды был сделан Берггольц осенью 1936 г., когда ее кандидатура была выдвинута партгруппой Ленинградского отделения ССП на должность ответственного секретаря редакции газеты «Литературный Ленинград» и утверждена горкомом ВКП(б) [4, с. 123]. Сначала это назначение она восприняла негативно, понимая, что на творческую работу времени не останется. «К тому же на должность эту — писала Ольга Федоровна в дневнике, — можно было кого угодно, но не меня. Думают — средн<ий> писатель — пусть повернется. А другие — пишут» [14, с. 376]. Обращает на себя внимание определение — «средний писатель», которое Берггольц относит к себе и которое исходит от партийной верхушки ЛО СП. (Попутно заметим, что автор при этом не оспаривает место, которое ей определено свыше.) Затем, втянувшись в редакционную жизнь, Берггольц оценила свое новое положение иначе: ей стало нравиться «вхождение в партийные тайны Союза» [14, с. 377]. Помимо передовиц, которые готовила Берггольц на страницах «Литературного Ленинграда», она выступила с критикой детской литературы, выразив «большевистскую тревогу» о положительном герое-ребенке и упомянув, в частности, книги Л. Будогоской, К. Золотовского, М. Ильина (наст. фам. И.Я. Маршак), брата С.Я. Маршака [13]. Поэтесса посетовала и на интонационное однообразие текстов, намекая тем самым на участие редакторов в написании книг [10, с. 76]. Ее декларация героики в детской книге вызвала полемику [11, 19, 26] и получила бóльший резонанс в литературном поле, чем выход второго поэтического сборника Берггольц «Книга песен» (1936), не имевшего рецензий. Так, благодаря пятимесячной деятельности в «Литературном Ленинграде» поэтесса оказалась на виду у братьев-писателей, что в дальнейшем негативно сказалось на ее судьбе.

В мае 1937 г. власть развернула антиавербаховскую кампанию. После ареста идеолога РАППа, «неистового напостовца» Л. Л. Авербаха по обвинениям в троцкизме

и создании под руководством Г.Г. Ягоды «второго параллельного литературного центра» [36, с. 5] рассеялись последние иллюзии об автономии литературного поля. Писатели-функционеры поспешили навести в нем порядок, вырывая с корнем «авербаховских приспешников», к которым наряду с В.М. Киршоном, И.С. Макарьевым и Ю.Н. Либединским, а также Е.С. Добиным и Л.И. Левиным была причислена Берггольц [32]. Ей инкриминировали политическую связь с Авербахом, которая — в реальности — не выходила за рамки личных (одно время — романтических) отношений; вспомнили ее «вредительскую линию» [14, с. 438] в «Литературном Ленинграде» и «незрелое» творчество. После унижительных и многоактных разборов «дела» (особенно старательно уничтожали поэтессу литераторы А.Е. Решетов, Н.А. Брыкин и П.И. Капица) 16 мая 1937 г. постановлением партийной группы и правления ЛО ССП Берггольц исключили из Союза писателей. «Мотивы, сформулированные в данных постановлениях, — писала она в заявлении в президиум правления ССП от 26 мая 1937 г., — таковы: “связь до последнего времени с врагами народа Макарьевым и Авербахом” — это во-первых; во-вторых, то, что я, “являясь сотрудницей газеты «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД», фактически способствовала, вместе с Беспамятновым и Добыным, вредительской работе Горелова”, и, наконец, за то, что “не создала в литературе ничего ценного”» [4, с. 117–118]. По поводу последнего пункта она пыталась возражать (ссылаясь даже на письма Горького), но была не слишком убедительна — реального писательского успеха у нее еще не было.

Имя Берггольц муссировалось в печати и обливалось грязью на писательских собраниях, а сама она оказалась формально вычеркнутой из действующего литературного процесса и стала настоящим изгоем в жизни: 25 июня ее исключили из кандидатов в члены партии на Общем собрании членов и кандидатов в члены ВКП(б) завода «Электросила» (здесь она работала в одноименной многотиражной газете) и практически лишили возможности зарабатывать на хлеб литературным трудом, после чего она устроилась работать в школе учительницей русского языка и литературы. Показательно, что, осознавая себя в авербаховском «деле» случайным лицом, Берггольц считала главным источником свалившихся на нее бед не власть — «Я не в “обиде” ни на советскую власть, ни на партию» [14, с. 443], но писателей: «Никогда, никогда и ничем не загладится во мне чувство презрения, отвращения и злобы, — писала она, — по отношению к ленинградским “инженерам душ”» [14, с. 515–516].

Итогом пережитого стала позиция «внутреннего отъединения» (изоляции) от собратьев по перу. «Пусть “они” говорят лицемерные свои речи, — писала Ольга Федоровна в дневнике, — заседают, суетятся, кого-то “выдвигают”, издаются и переиздаются» [14, с. 469]. Перечитывая повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая», Берггольц особенно прониклась инвективой убитого горем главного героя — «Зачем же мне теперь ваши законы? Я отделяюсь» [23, с. 86] и записала в дневнике: «Вот, вот именно! “Я отделяюсь”» [14, с. 509]. Писатели тоже избегали контактов со скомпрометированной Берггольц, и ее общение с людьми практически ограничилось узким семейным кругом.

Берггольц сопротивлялась, писала объяснительные записки в партгруппу правления ЛО ССП, посылала заявление в президиум правления ССП, а с начала 1938 г. активизировала хлопоты по восстановлению в партии и обратилась с апелляцией в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Апелляция рассматривалась полгода. После того как Берггольц удалось восстановиться в кандидатах в партию и в комсомоле, пересмотр решения в Союзе писателей стал делом сугубо техническим. («Союз как органи-

зация, — писала Ольга Федоровна позднее в дневнике, — создан лишь для того, чтоб хором произносить “чего изволите” и “слушаюсь”» [14, с. 624]). Ленинградское отделение было вынуждено признать ее исключение необоснованным. 4 июля в заметке, опубликованной в «Красной газете», сообщалось, что Берггольц, Добин и Левин восстановлены в Союзе [24].

В конце 1938 г. у Ольги Федоровны начались новые «хождения по мукам». В ночь с 13 на 14 декабря она была арестована по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности [9], вынесла новые унижения (потеряла в тюремной больнице нерожденного ребенка) и допросы, но свою вину не признала и была выпущена на волю 3 июля 1939 г. за недоказанностью обвинений. Жестокое испытание оставило рубец на всю жизнь, и теперь — после тюрьмы — у Берггольц пошатнулась вера в саму идею Советской власти.

После выхода из застенков чувство «внутреннего отъединения» от людей и писательского сообщества вновь дало себя знать. «Но среды — нет, — констатировала Берггольц 29 октября 1939 г. — Дружбы ни с кем из писателей нет. <...> И никто не дорог, ни к кому, конкретно, не тянет. Лишь бледная мечта о том, чтоб найти пару-другую единомышленников, друзей, с которыми можно было бы вместе что-то утверждать в области искусства. Но опять-таки, конкретно, таких людей не вижу» [14, с. 563].

Имя Берггольц между тем было на слуху и вызывало в литературном поле некоторый эффект, несмотря на ее положение отверженной. Весной 1941 г., отдыхая в Доме творчества ленинградских писателей в Детском Селе, она ощущала нескрываемый интерес к себе со стороны писательского сообщества, осведомленного о репрессиях по «делу Авербаха» и ее тюремном опыте. Так, переводчица А.В. Ганзен, впервые увидевшая там Берггольц, под впечатлением встречи написала обращенное к ней стихотворение «Вот ведь ты какая» [5].

Итак, в конце 1930-х гг. Берггольц была выброшена на обочину литературного поля и вела борьбу за выживание и восстановление в Союзе советских писателей, формально дающем больше возможностей, чтобы пробиться к читателю и добиться успеха.

Литературное поле нач. 1940-х гг.: легитимация статуса

Настоящая борьба Берггольц за легитимную позицию началась во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде. Рассмотрим в этой связи несколько важных вопросов.

Прежде всего, уясним, какие качества личности поэтессы предопределили возможность реализации творческих амбиций в конкретном историческом и географическом пространстве — в блокадном Ленинграде? Или какой была диспозиция (установка, предрасположенность) Берггольц, способствовавшая занятию ею сильной позиции в определенном состоянии литературного поля?

Понятие «диспозиция» тесно связано с более широким понятием — «габитус», которое определяется как «воплощаемое в поведении, речи, походке, вкусах человека прошлое (его класса, среды, семьи)» [3, с. 8]. Иными словами, габитус — выраженная в телесности (природе) человека система незыблемых принципов, обусловленная социальным происхождением, воспитанием и образованием. Склад личности формирует будущее писателя, который действует и естественно реализует в творчестве содержащиеся в пределах габитуса диспозиции.

Ольга Берггольц родилась в семье врача (тогда — студента-медика) и выросла за Невской заставой, в рабочем районе Петрограда/Ленинграда [17, т. 1, с. 32]. Ее эстетические предпочтения, сложившиеся еще в отрочестве, практически не подвер-

гались корректировке ни учебой на Высших государственных курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств¹, ни университетским образованием. Берггольц последовательно демонстрировала в своем творчестве простоту языка и стиля, и в ее эстетике великое — означало простое [8]. Авторская стратегия (возможно, под влиянием православного воспитания, которое она получила в детстве) изначально была направлена на «душевную помощь людям», и в этом Берггольц видела свою миссию как поэта [6, с. 69]. Уроженка Петербурга, она смогла найти ключ к сердцам жителей осажденного Ленинграда. В день объявления войны, по словам Ольги Федоровны, тюрьма «перестала болеть, т. к. заменилась другой, новой, острейшей и тоже общенародной болью» [12, с. 284], и она с головой погрузилась в работу.

Диспозиция Берггольц была весьма актуальна для состояния литературного поля периода Великой Отечественной войны, когда, по словам И. Эренбурга, «писатели сделались необходимыми народу» [37, с. 112], широкой читательской массе, которую надо было поддержать и вдохновить на победу. Житель блокадного Ленинграда ждал от писателя сочувствия и утешения, и его ожидания совпали с установкой Берггольц на «душевную помощь людям», реализация которой была для нее естественным, свободным и желанным актом.

Аудитория блокадников-ленинградцев ждала поддержки не «поэзией условных формул» (выражение Берггольц [14 с. 391]), а простым и «облегчающим» словом, и читательские надежды совпали с эстетическими предпочтениями Берггольц. Они совместились и с позицией других субъектов литературного поля — тех писателей, которые ориентировали литераторов не на создание бессмертных томов о войне, а на необходимый читателю здесь и сейчас «живой голос писателя» [38, с. 212].

Кроме того, после репрессий и тюремной изоляции у Берггольц появилась предрасположенность к осмыслению темы человеческих страданий: ей стало казаться, «что главное — писать о горе...» [14, с. 559]. Эта тема, частично проявленная в тюремных стихах (тогда неопубликованных), уже была в фокусе внимания поэтессы и ожидала своего дальнейшего эстетического разрешения. Берггольц была готова к осмыслению испытаний людей, оказавшихся в экстремальной ситуации: в изоляции, тюрьме и блокаде.

Следующий вопрос: в чем выразилась творческая манифестация Берггольц, которая помогла ей выдвинуться на позицию поэта блокадного Ленинграда? Первый успех пришел к Берггольц с чтения собственных стихов и радиовыступлений и не был случайным: с начала литературного пути она пыталась уловить ту «волну», которая имела бы резонанс у читателей. Ольга Федоровна прислушивалась в этом вопросе к мнению мастеров поэтического слова, к которым, в частности, относилась Н. А. Заболоцкая. Как-то в разговоре с ней он дал совет, который Ольга Федоровна процитировала в дневнике от первого лица, настолько он был важен для нее и, главное, коррелировал с ее собственной творческой интенцией. «И книгу стихов надо, — писала Берггольц. — *Свою* (курсив мой. — *Н. П.*), как сказал Заболоцкий, “с живым человеческим голосом, чего не хватает много нашим маститым”» [14, с. 320].

«Живой человеческий голос» стихов и радиовыступлений Берггольц нашел своего слушателя. Стихотворения «Сестре», «Первое письмо на Каму», «Разговор с соседкой», «Второе письмо на Каму», написанные в 1941 г., передавали совместный травматический опыт в форме «письма» или «беседы» со свойственной жанру индивидуальной, личной интонацией. Эмоциональный тон стихотворений создавался тем,

¹ Ныне — Российский институт истории искусств; об учебе см.: [17, т. 1, с. 35–36].

что автор лично и напрямую обращалась к собеседникам: к сестре («Машенька, сестра моя, москвичка!»), соседке («Дарья Власьевна, соседка по квартире, / сядем, побеседуем вдвоем»), матери («Не бойся, мама, я не струшу») [15, с. 146, 156, 158]. Так, — «по праву разделенного страдания» — появилась задушевная тональность, характерная для ленинградской темы Берггольц.

О блокадном городе писали многие — Н. Тихонов, В. Инбер, А. Прокофьев, В. Саянов, — но у каждого «был один и тот же и все-таки “свой” Ленинград» [16, с. 3]. 1 декабря 1941 г. в «Правде» была опубликована поэма Н.С. Тихонова «Киров с нами», написанная в патетическом тоне. Повествование велось в категории героического: легендарный С.М. Киров, «оживший» в поэме, инспектировал осажденный Ленинград и убеждался в том, что его любимый город мужественно защищают достойные люди: «В железных ночах Ленинграда / По городу Киров идет. / И сердце прегордое радо, / Что так непреклонен народ» [34, с. 7]. Для выступлений Вс. Вишневского был также характерен патетически-митинговый характер; он говорил страстно, во весь голос. Берггольц же, обращаясь к ленинградцам, покоряла их простой, человеческой речью, оказывавшей мощное терапевтическое воздействие. Именно эта — исповедальная, задушевная, личная интонация стала первым отличительным фактором, который переместил Берггольц с периферии литературного поля в центр. «“Заявить о себе”, “составить эпоху” — значит заставить других признать и распознать свою отличность, — отмечал Бурдые, — и создать новую позицию в авангарде, за пределами и впереди уже занятых» [2, с. 46].

В поле литературы отличительную ценность имеют как тематические, так и стилистические манифестации. В этой связи обращает на себя внимание написанный в 1942 г. «Февральский дневник». Поэма создала имя Берггольц: после чтения по радио 22 февраля 1942 г. о ней уже говорил весь город. «Февральский дневник» ходил в списках по блокадному Ленинграду [12, с. 253] (был опубликован: [18]). Текст произвел небывалый эффект в литературном поле: его чтение писатели встретили ликованием. «Отличность» поэмы была признана компетентными субъектами поля публично: впервые благожелательно упомянул поэму Н.С. Тихонов в выступлении на конференции писателей Ленинградского фронта 29 мая 1942 г. [35, с. 93]. 30 мая на Общефронтном писательском совещании армии и флота в Ленинграде имя поэтессы звучало в речах В. К. Кетлинской, А. А. Фадеева, Ю. Н. Либединского и вновь — Тихонова.

Сама Ольга Федоровна писала о «Февральском дневнике»: «...большинство строф прекрасны, больны, живы, как сама жизнь. Большинство строф — почти не стихи (подчеркивание Берггольц. — Н. П.) <...> и это то, что надо» [12, с. 162]. Так, автор указала на стилистическое отличие своего произведения — «почти не стихи», интуитивно почувствовав, что в текущем состоянии литературного поля «это то, что надо». Берггольц говорила от имени ленинградцев, за них и для них. Жители осажденного города идентифицировали себя с лирической героиней, заявлявшей: «Дыша одним дыханьем с Ленинградом, / я не геройствовала, а жила» [15, с. 167]. Вызывало эмпатию и описанное Берггольц экзистенциальное переживание — ощущение бытия как острого счастья, свойственное человеку, стоящему на пороге смерти.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурно дышали,
что внуки позавидовали б нам [15, с. 168].

После публикации поэмы сокурсница Берггольц по ВГКИ при ГИИИ, О. Ф. Хузе, писала подруге: «...ты стала чувствилищем тысяч и тысяч нас, вот теперь ты стала поэтом. <...> совсем простыми словами, обыкновенными ты открыла нам самих себя <...>» [22, с. 174–175].

Следующей манифестацией Берггольц стала «Ленинградская поэма», напечатанная в 1942 г. сначала в «Ленинградской правде» (24 и 25 июля), а затем в «Комсомольской правде» (30 августа). Тираж одной «Комсомольской правды» был полмиллиона, а читательская аудитория значительно шире. В Ленинграде поэму отправляли за блокадное кольцо эвакуированным родственникам: это была возможность рассказать родным о тех переживаниях, которые блокадники перенесли в страшную зиму 1941–1942 гг.: перлюстрированные военной цензурой письма не могли выполнить эту функцию. Адресация текстов Берггольц стала универсальной [1, с. 231], она писала для блокадников, эвакуированных ленинградцев и для читателей Большой земли.

Новую позицию Берггольц в литературном поле наиболее точно определил Вс. Вишневский: «Прочел в “Лен<ини>градской> Правде” Вашу поэму. Очень хорошо, очень сильно... Это уже за рамками обычной поэзии... Здесь есть ИСПОВЕДНОЕ, сокровенное... То, без чего так сохла наша литература, оглядная, схематичная (в значит<ельной> доле...). Литература — только тогда, когда все правда, все кричит, все откровенно (в высшей форме — ОТКРОВЕНИЕ)... Без этого — чистописание, комментарии...» [29]. Многочисленные отклики и читательские письма о «Ленинградской поэме» в обобщающей формулировке акцентировали внимание на том же: «Она пишет правду» [12, с. 253].

При этом ни Союз писателей, ни поле власти, ни критика (ее в то время не было) не участвовали в создании имени Берггольц, которая отмечала в августе 1942 г.: «А у меня ни ордена, ни лауреатства, ни прессы!» [12, с. 253]. Более того, в пространстве соперничающих литературных сил положение Ольги Федоровны даже усложнилось. «Моя бешено взлетевшая известность после опубликования “Лен<ини>градской> поэмы” уязвила некоторых наших “инженеров душ” в самую печень, — писала Берггольц. — Решетов и Прокофьев — теперь мои враги!» [12, с. 258–259]. Действительно, А. А. Прокофьев и А. Е. Решетов, которых Берггольц иронично называла «ведущими поэтами», не только предприняли шаги к тому, чтобы ограничить печатание ее произведений, но уже тогда занялись формированием критического подхода к «Ленинградской поэме» и блокадной теме, в которой находили «любование зимними трудностями» [12, с. 259]. Популярность поэмы была феноменальной, и именно читатель военного времени создал Берггольц славу поэта блокадного Ленинграда. «А мы... будем читать, — писали ей, — перечитывать и глотать Ваши правдивые, крепкие и радостные слова!» [22, с. 178].

Учитывая очевидный читательский успех, имя Берггольц было выдвинуто на Сталинскую премию по литературе и искусству (список лауреатов был опубликован 20 марта 1943 г.), но награду она не получила. Не была причислена, по словам Берггольц, «к лику святых от искусства» и ее главная конкурентка по теме, В. Инбер, ожидавшая премию за поэму «Пулковский меридиан», написанную с ярко выраженным призывом к мести «за город наш» и поэтизацией борьбы: «Избавить мир, планету от чумы, — / Вот гуманизм! И гуманисты — мы» [27, с. 37]. (Инбер работала над поэмой с октября 1941 по ноябрь 1943 г. и получила Сталинскую премию после войны — в 1946 г.) Берггольц оценивала поэму Инбер крайне негативно, отказывала ей в передаче правдивой блокадной картины, называла стихи «холодными», «эстетскими

зарисовками происходившего» [12, с. 348]. Ленинградские рассказы Н. С. Тихонова Ольга Федоровна также не принимала всерьез: «Тихоновские рассказы экзотичны, они берут внешние моменты, и у нас в Л<енингра>де к ним относятся с усмешкой» [30, с. 19]. Все это лишний раз подчеркивает остроту борьбы авторов за свое отличие внутри литературного поля.

Еще одним блокадным текстом, появившимся в литературном поле, стала поэма З. К. Шишовой «Блокада» (о сыне-дистрофике, которого мать пыталась спасти от смерти), запрещенная властями к прочтению по радио («Горком запретил ее» [12, с. 249]; во время читки отключили микрофон [12, с. 313]) и опубликованная лишь в 1943 г. Поэма не изменила сложившуюся к этому времени иерархию: положение Берггольц, работавшей в ленинградской теме с первых дней осады, было прочно². Кроме того, для Берггольц — в отличие от Шишовой, — блокадный Ленинград стал основным репрезентативным образом-топосом, сыгравшим в ее творчестве смыслообразующую функцию.

В 1943 г. Берггольц продолжала беседовать с ленинградцами на простом, понятном каждому языке. «Мы — обыкновенные, живые люди, — обращалась она к ним 20 декабря. — <...> Минутами хочется лечь прямо на пол, лицом в ладони, и застонать от этой глубокой, тянущей сердце тоски...» [17, т. 2, с. 241–242]. Следующие поэмы — «Памяти защитников» (1944, написана о погибшем брате ленинградской девушки Н. Нониной по ее просьбе; см. примечание Берггольц: [17, т. 2, с. 68]) и «Твой путь» (1945) с ретроспективным опытом блокадных испытаний, а также лирика — закрепили славу Берггольц как поэта блокадного Ленинграда. Так, стихотворение «Третье письмо на Каму» (1943) эвакуированные ленинградцы пересылали друг другу в письмах и писали: «Мы все ревели (мы — женский пол), когда его читали» [33, с. 207].

В написанном совместно с Г. П. Макогоненко сценарии, а затем и пьесе «Они жили в Ленинграде» Берггольц выразила свое понимание героического противостояния ленинградцев, указав на психологическую проблему: важно было не просто выжить в условиях блокады, но не «расчеловечиться», не превратиться в голодного зверя. Сложившийся канон советской драматургии требовал от авторов показа социальной среды и биографии действующих лиц. Берггольц обозначила отличие собственной пьесы от традиции так: «...в нашей пьесе нет “положительных” и “отрицательных” героев, нет “представителей интеллигенции” или “представителей молодежи”, нет “образов партработника” или образа “секретаря” и т. д.

В нашей пьесе действуют ЛЮДИ» (цит. по: [7, с. 56]). Берггольц подчеркивала, что персонажи пьесы — Никита и Наташа — естественно живущие люди, не нуждающиеся в «героическом стоянии на цыпочках» [7, с. 57]. Ленинградскими писателями и театральным сообществом Москвы драматургическая манифестация ленинградской темы была воспринята сочувственно.

Блокадные тексты Берггольц стали объектом нападков активизировавшейся к 1943 г. критики, действовавшей в русле прямых указаний поля власти, задававшей новый вектор письма: литераторов ориентировали на описание *преодоления* блокадных страданий, «показ несгибаемого духа ленинградца», исключение «натуралистических картин голода» [25, с. 26–27]. Развернулась дискуссия о ленинградской теме, в ходе которой — в выступлении П. Громова — сценарий «Они жили в Ленинграде»

² В данной статье упоминаются блокадные тексты, которые были обнародованы в начале 1940-х гг. Так, неизвестные литературному полю военного времени блокадные стихи Г. Гора и записи Л. Я. Гинзбург, опубликованные лишь в XXI в., в контексте нашей темы не рассматриваются.

был назван особой разновидностью «суррогата историзма в решении ленинградской темы» [25, с. 27]. Однако атака на поэтессу критиков и присоединившихся к ним братьев-писателей (А. А. Прокофьев) не изменила ее легитимного статуса *блокадной музыки*.

Рассмотренная нами социология успеха блокадного творчества Берггольц оставляет место для неразрешимой полностью загадки. «Встреча произведения и его публики, чаще всего представляет собой *совпадение*, — писал Бурдые, — непреднамеренный эффект схождения в основном независимых каузальных серий, который никогда не объясним полностью ни сознательным, ни, тем более, циничным расчетом, ни требованиями спроса или заказа» [2, с. 54]. Тем не менее, в результате проведенного исследования выявлены и проанализированы основные диспозиции и манифестации Берггольц, позволившие ей в конкурентной борьбе завоевать читателя и изменить иерархию литературного поля в свою пользу.

Выводы. В литературном поле 1930-х гг., подвергавшемся воздействию различных социальных институций, положение Берггольц было крайне ненадежным, несмотря на «освящение» ее первых книг М. Горьким и членство в Союзе советских писателей. Будучи на виду в литературном процессе накануне Большого террора, поэтесса была втянута в «дело Авербаха» и стала объектом нападков и репрессий, в результате чего оказалась сначала на обочине литературного поля, а затем по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности в полугодовой изоляции — тюремном заключении. После перенесенных репрессий тема страданий была в фокусе внимания поэтессы и ждала своего эстетического разрешения. С началом войны габитус Берггольц определил ее статусное место в конкурентном поле литературы. Авторская стратегия совпала с задачами военного времени, а эстетика — с читательскими ожиданиями. Поэтесса манифестировала ленинградскую тему в отличной от других субъектов литературного поля стилистике («живой человеческий язык», «почти не стихи») и увидела блокадное бытие в новой — психологической — проекции. Все эти факторы в целом создали ей в литературном поле дефиницию поэта блокадного Ленинграда; при этом институции власти, Союз советских писателей и критика не участвовали в создании имени поэтессы.

Список литературы

Исследования

- 1 Барскова П. Блокадные ты: функция лирического обращения в поэзии Зинаиды Шишовой, Ольги Берггольц и Геннадия Гора // Блокадные нарративы: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 226–240.
- 2 Бурдые П. Поле литературы / пер., предисл., примеч. М. Гронаса; послесл. Н. Кауппи // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 5–87.
- 3 Гронас М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдые о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 6–21.
- 4 Золотонос М. Н. Охота на Берггольц: Ленинград, 1937. СПб.: Изд. дом «Мир», 2015. 464 с.
- 5 Прозорова Н. А. К истории знакомства Ольги Берггольц и Анны Ганзен // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 111–116.
- 6 Прозорова Н. А. Ольга Берггольц: начало (по ранним дневникам). СПб.: Росток, 2014. 288 с.

- 7 Прозорова Н. А. Под прицелом партийной цензуры: сценарий и пьеса О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко «Они жили в Ленинграде» (по архивным материалам РО ИРЛИ РАН) // Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологии (Литературные события и феномены XX века). СПб.; Воронеж: Тип. ИП О. Ю. Алейникова, 2015. С. 51–61.
- 8 Прозорова Н. А. Поэтология О. Ф. Берггольц: рефлексия и авторская стратегия // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 353–372.
- 9 Соколовская Н. «Тюрьма — исток победы над фашизмом» // Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 343–358.
- 10 Щеглова Е. «Они молчат — свидетели беды...» // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 68–78.

Источники

- 11 Безбородов С. Пассажир вскочил на ходу // Смена. 9 декабря 1936. № 283. С. 3.
- 12 Берггольц О. Ф. Блокадный дневник: (1941–1945) / сост., текстол. подгот. Н. А. Стрижковой; ст. Т. М. Горяевой и Н. А. Стрижковой, комм. Н. А. Громовой и А. С. Романова. СПб.: Вита Нова, 2015. 544 с.
- 13 Берггольц О. За героиню в детской книге // Литературный Ленинград. 11 ноября 1936. № 52. С. 3.
- 14 Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост. текстол. подгот., подбор илл. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой, коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. 824 с.
- 15 Берггольц О. Ф. «Не дам забыть...»: избранное / [сост., вступ. ст. и коммент. Н. Прозоровой]. СПб.: Полиграф, 2014. 688 с.
- 16 Берггольц О. Против ликвидации лирики // Литературная газета. 28 октября 1954. № 129. С. 3–4.
- 17 Берггольц О. Ф. Собр. соч.: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1989. Т. 1: стихотворения, 1924–1941; проза, 1930–1941. 680 с. Т. 2: стихотворения, 1941–1953; проза, 1941–1954; Говорит Ленинград; очерки и статьи. 431 с.
- 18 Берггольц О. Февральский дневник // Комсомольская правда. 5 июля 1942. № 156. С. 2.
- 19 Бубекин В. Об одной благонамеренной статье // Комсомольская правда. 27 декабря 1936. № 298. С. 3.
- 20 Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 30: письма, телеграммы, надписи, 1927–1936. 819 с.
- 21 Два письма А. М. Горького [от 16 декабря 1931 г. и 22 ноября 1934 г. / послесл. О. Берггольц] // Литературная газета. 29 марта 1958. № 38. С. 2.
- 22 Десять писем: к шестидесятилетию Ольги Берггольц: вместо литературного портрета / публ. А. Рубашкина // Звезда. 1970. № 5. С. 173–180.
- 23 Достоевский Ф. М. Кроткая: фантастический рассказ. М.: Худож. лит., 1973. 87 с.
- 24 <Заметка>. В Союзе писателей // Красная газета. 4 июля 1938. № 152. С. 4.
- 25 <Заметка>. Дискуссия о ленинградской теме // Ленинград. 1945. № 7/8. С. 26–27.
- 26 Ильин М. Критика с высоты птичьего полета // Смена. 12 декабря 1936. № 286. С. 2.

- 27 *Инбер В.* Пулковский меридиан // Поэмы о Ленинграде. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947. С. 29–72. Кофман Г. Когда все правда: вспоминая Всеволода Вишневского [Беседа с А. Коонен и О. Берггольц] // Неделя. 14–20 декабря 1970. № 51. С. 8.
- 28 *Корнилов Б. П.* «Я буду жить до старости, до славы...». СПб.: Азбука, 2012. 516 с.
- 29 *Кофман Г.* Когда все правда: вспоминая Всеволода Вишневского [Беседа с А. Коонен и О. Берггольц] // Неделя. 14–20 декабря 1970. № 51. С. 8.
- 30 «Ленинграду мною отдано все»: О. Ф. Берггольц: письма к семье Молчановых (1941–1945 гг.) / публ. Н. А. Прозоровой // «Верили в Победу свято»: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2015. С. 8–35.
- 31 *Прозоров А.* Незрелая лирика // Художественная литература. 1935. № 2. С. 28–29.
- 32 *Ромов П.* На собрании партгруппы Ленинградского отделения союза писателей // Литературная газета. 10 мая 1937. № 25. С. 3.
- 33 «...твои письма — документ незабываемого времени...»: из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист, 1942–1945 / подгот. текста, предисл, коммент. Е. Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2013. 390 с.
- 34 *Тихонов Н. С.* Киров с нами // Поэмы о Ленинграде. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947. С. 3–10.
- 35 *Тихонов Н. С.* Писатель и эпоха: выступления, литературные записи, очерки. М.: Сов. писатель, 1972. 590 с.
- 36 *Чичеров И.* Авербаховщина — троцкистская контрреволюционная диверсия в литературе и искусстве // Рабочий и театр 1937. № 5. С. 2–5.
- 37 *Эренбург И.* Долг писателя // Новый мир. 1943. № 9. С. 111–116.
- 38 *Эренбург И.* Слово-оружие // Новый мир. 1944. № 1/2. С. 210–212.

***

© 2023. Natalia A. Prozorova
St. Petersburg, Russia

OLGA BERGHOLZ IN THE LITERARY FIELD: PATH TO THE LEGITIMATION OF STATUS

Abstract: The study examines the position of O. F. Bergholz in the literary field of the 1930s and the struggle for legitimization of the status of the Leningrad poet in the early 1940s. The purpose of the paper is to determine the place of the poetess in the literary process of the 1930s and to identify the factors (dispositions) that contributed to her successful creative realization during wartime. In the 1930s, despite the «consecration» of M. Gorky, of Bergholz's first books, she became an object of attacks and repression: she was in a situation of alienation from the writer's environment due to the “Averbach case”, and spent six-month in prison isolation following trumped-up charges of counterrevolutionary activity. It was not that Bergholz fought for a strong position in literary field, but for the mere survival in it. After the repressions and prison, the theme of human suffering came into focus of the poetess's attention; she came to be inclined to view the blockade hardships of Leningrad residents. Bergholz's habitus, her author's

strategy aimed at “helping people mentally”, correlated with the tasks of wartime. The reader's expectations for support not by the “poetry of conditional formulas”, but by a simple and “relieving” word coincided with Bergholz's aesthetics. The blockade texts moved her from the periphery of the literary field to its forefront. The poetess expressed the joint traumatic experience in a form of “letters” and “conversations” with a lively, personal intonation; let the Leningrad theme manifested in a new style (“barely poems”); opened readers` eyes on “themselves”; she conveyed the existential experience of a person on the verge of death and saw the heroism of the Leningraders as a psychological issue (how to escape “dehumanizing”). These factors allowed her to achieve the legitimate status of the besieged Leningrad`s poetess.

Keywords: Literary Field, O. F. Bergholz, Habitus, Leningrad Theme, the Status of the Leningrad Poet.

Information about author: Natalia A. Prozorova — PhD in Philology, Senior Scientist of the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Science, Makarov Emb. 4. 199034, St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>

E-mail: arhivistka@mail.ru

Received: 6 March, 2022.

Approved after reviewing: October 12, 2022

Date of publication: 25.09.2023

For citation: Prozorova, N. A. “Olga Bergholz in the Literary Field: Path to the Legitimation of Status.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 312–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-312-325>

References

- 1 Barskova, P. “Blokadnye ty: funktsiia liricheskogo obrashcheniia v poezii Zinaidy Shishovoi, Ol'gi Berggol'ts i Gennadiia Gora” [“Blockade You: The Function of Lyrical Appeal in the Poetry of Zinaida Shishova, Olga Bergholz and Gennady Gore”]. *Blokadnye narrativy: sbornik statei [Blockade Narratives: Collection of Articles]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 226–240. (In Russ.)
- 2 Burd'e, P. “Pole literatury” [“The Field of Literature”], trans., introd., ref. by M. Gronas; afterword N. Kauppi. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 45, 2000, pp. 5–87. (In Russ.)
- 3 Gronas, M. “‘Chistyĭ vzgliad’ i vzgliad praktika: P'er Burd'e o kul'ture” [“‘Pure View’ and the View of Practice: Pierre Bourdieu on Culture”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 45, 2000, pp. 6–21. (In Russ.)
- 4 Zolotonosov, M. N. *Okhota na Berggol'ts: Leningrad, 1937 [Hunting Bergholz: Leningrad, 1937]*. St. Petersburg, Izdatel'skii dom “Mir” Publ., 2015. 464 p. (In Russ.)
- 5 Prozorova, N. A. “K istorii znacomstva Ol'gi Berggol'ts i Anny Ganzen” [“To the History of Acquaintance of Olga Bergholz and Anna Hansen”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody [Pushkin House Manuscripts Department Annuary]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019, pp. 111–116. (In Russ.)
- 6 Prozorova, N. A. *Ol'ga Berggol'ts: nachalo (po rannim dnevnikam) [Olga Bergholz: The Beginning (According to Early Diaries)]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014. 288 p. (In Russ.)
- 7 Prozorova, N. A. “Pod pritselom partiinoi tsenzury: stsenerii i p'esa O. F. Berggol'ts i G. P. Makogonenko ‘Oni zhili v Leningrade’ (po arkhivnym materialam RO IRLI

- RAN)” [“Under the Gun of the Party Censorship: Script and Play by O. F. Bergholz and G. P. Makogonenko ‘They Lived in Leningrad’ (Based on Archival Materials of the Russian Academy of Sciences)]. *Zapechatlennaia pobeda: kliuchevye obrazy, kontsepty, ideologemy (Literaturnye sobytiia i fenomeny XX veka) [Captured Victory: Key Images, Concepts, Ideologemes]*. St. Petersburg, Voronezh, Tipografia IP O. Iu. Aleinikova, 2015, pp. 51–61. (In Russ.)
- 8 Prozorova, N. A. “Poetologiya O. F. Berggol'ts: refleksiya i avtorskaya strategiya” [“Poetology O. F. Bergholz: Reflection and Author's Strategy”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, Vol. 19, no. 2, 2021, pp. 353–372. (In Russ.)
- 9 Sokolovskaya, N. “‘Tiur'ma — istok pobedy nad fashizmom’” [“Prison is the Source of Victory Over Fascism”]. *Ol'ga. Zapretnyi dnevnik: dnevniki, pis'ma, proza, izbrannye stikhotvoreniia i poemy Ol'gi Berggol'ts [Olga. Forbidden Diary: Diaries, Letters, Prose, Selected Poems and Poems by Olga Bergholz]*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, pp. 343–358. (In Russ.)
- 10 Shcheglova, E. “‘Oni molchat — svideteli bedy...’” [“They are Silent — Witnesses of Trouble...”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2008, pp. 68–78. (In Russ.)